

24. Petrov A. V. *Ot yazychestva k Svyatoy Rusi. Novgorodskie usobitsy. K izucheniyu drevne-russkogo vechevogo uklada* [From paganism to Holy Russia. Novgorod wars. To the study of the Old Russian veche order]. St. Petersburg, 2003, 352 p.
25. *Povest vremennykh let* [The Tale of Bygone Years]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Ancient Rus literature]. St. Petersburg, 1997, vol. 1, pp. 6–120.
26. Sverdlov M. B. *Domongolskaya Rus. Knyaz i knyazheskaya vlast na Rusi VI – pervoy treti XIII vv.* [“The Pre-Mongolian Rus.” The prince and prince's power in Russia VI – the first third of the XIII century]. St. Petersburg, 2003, 734 p.
27. Sevastyanova O. V. *Drevniy Novgorod. Novgorodsko-knyazheskie otnosheniya v XII – pervoy polovine XV v.* [Ancient Novgorod. Novgorod-princely relations in the XII – first half of the XV century]. Moscow – St. Petersburg, 2011, 408 p.
28. Sergeevich V. I. *Veche i knyaz. Russkoe gosudarstvennoe ustroystvo i upravlenie vo vremena knyazey Rjurikovichyey. Istoricheskie ocherki* [Veche and the prince. Russian state structure and management during the reign of the princes of Rurik. Historical Essays]. Moscow, 1867, 426 p.
29. Sergeevich V. I. *Lektsii i issledovaniya po drevney istorii russkogo prava* [Lectures and research on the ancient history of Russian law]. St. Petersburg, 1910, 674 p.
30. Tolochko P. P. *Vlast v Drevney Rusi X–XIII vv.* [Power in Ancient Russia X–XIII centuries]. St. Petersburg, 2011, 202 p.
31. Froyanov I. Ya. *Kievskaya Rus. Ocherki sotsialno-politicheskoy istorii* [The Kiev Rus. Essays on socio-political history]. Leningrad, 1980, 256 p.
32. Froyanov I. Ya. *Myatezhnyy Novgorod. Ocherki istorii gosudarstvennosti, sotsialnoy i politicheskoy borby kontsa IX – nachala XIII stoletiya* [Rebellious Novgorod. Essays on the history of statehood, social and political struggle of the end of the IX – beginning of the XIII century]. St. Petersburg, 1992, 280 p.
33. Froyanov I. Ya., Dvornichenko A. Yu. *Goroda-gosudarstva Drevney Rusi* [The city-states of Ancient Rus]. Leningrad, 1988, 269 p.
34. Yanin V. L. *Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda* [Essays on the history of medieval Novgorod]. Moscow, 2008, 424 p.

К ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ КАЛМЫЦКОГО ХАНСТВА И КИТАЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Цюрюмов Александр Викторович, доктор исторических наук, профессор
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова
Российская Федерация, Республика Калмыкия, 358003, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
E-mail: tsuryumov@yandex.ru

Статья посвящена истории посольских отношений Калмыцкого ханства и Цинской империи в первой четверти XVIII в. В работе использованы уже известные опубликованные и впервые вводимые в научный оборот материалы. Они свидетельствуют о значимой роли Калмыцкого ханства не только во внешнеполитической системе России, но и в международных отношениях в центральноазиатском регионе. Архивные источники рубежа XVII–XVIII вв. показывают заинтересованность калмыков в осуществлении через территорию Китая контактов с Тибетом. Показано, что целью политики властей Китая было привлечение калмыков к войне с Джунгарским ханством на стороне Цинов. Для этого показаны переговоры, которые провело с калмыцким ханом Аюкой китайское посольство Тулишена. Данному посольству посвящена обширная научная литература. В статье анализируется позиция калмыков в этом вопросе. Они были заинтересованы в сохранении мирных отношений с Китаем и Джунгарским ханством. Привлеченные источники свидетельствуют, что Аюка занял нейтральную позицию. Прежде всего продиктована она была политикой Российской империи. В эти годы Россия также неоднократно выступала за нормализацию отношений с Джунгарским ханством и Цинской империей. К тому же ей важно было полное подчинение подвластных калмыков в сфере международных отношений.

Ключевые слова: Калмыкия, Россия, международные отношения, Поволжье, посольство, Джунгарское ханство, Тибет

**ABOUT THE HISTORY OF RELATIONS BETWEEN CHINA
AND THE KALMYK KHANATE IN THE FIRST QUARTER OF XVIII CENTURY**

Tsyuryumov Alexandr V. Ph.D. (History), Professor
The Gorodovikov Kalmyk State University
11 Pushkina St., Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation
E-mail: tsyuryumov@yandex.ru

The article is concerned with the history of ambassadorial relations between Kalmyk Khanate and the Qing Empire in the first quarter of XVIII century. We used the already well-known published materials and materials for the first time introduced into a science. They show important role of the Kalmyk Khanate not only in the foreign political system of Russia, but also in international relations in the Central Asian region. Archival sources turn of the XVII–XVIII centuries show the interest of Kalmyks in the implementation of contacts through China to Tibet. It was demonstrated that the purpose of the Chinese authorities' policy was to engage the Kalmyk Khanate to the war with Jungar on the side of the Ch'ing. Chinese Embassy of Tulishen negotiated with the Kalmyk Khan Ayuka. Scientific literature widely covers this embassy. The article analyzes the Kalmyks position in this matter. They were interested in maintaining peaceful relations with China and Dzungar Khanate. Some involved specialists argue that Ayuka took a neutral position. First of all, it was dictated also by politics of the Russian Empire. During these years, Russia has also repeatedly advocated the normalization of relations with Dzungar Khanate and the Qing Empire. In addition it was important to complete subordination Kalmyks in the sphere of international relations.

Keywords: Kalmykia, Russia, international relations, the Volga region, the embassy, Jungar Khanate, Tibet

В начале XVIII в. Россия представляла огромную страну, равной которой Европа не знала со времени Римской империи. На востоке условия экономического развития толкали Россию на расширение сферы влияния с целью поиска новых ресурсов на юго-востоке, прежде всего в Средней Азии и на юге Сибири. Поэтому в Сибири была присоединена вся Прииртышская долина, что позволило отодвинуть джунгарскую границу и на широком фронте от Каспия до джунгарских степей создать плацдарм для проникновения в Центральную Азию.

В историографии Калмыкии лишь Н.Я. Бичурин отмечал, что калмыки не прерывали связей с Джунгарией, Тибетом и Китаем, Россия не обращала на это особого внимания, так как они не противоречили ее интересам [3, с. 88]. Н.Н. Пальмов подробно исследовал связи калмыков с Джунгарским ханством и Цинским Китаем, отметив, что для правления Аюки в первой четверти века было характерно стремление упрочить связи с Джунгарией и установить связи с Китаем. Связано это было с тем, что южный путь в Тибет по-прежнему оставался в распоряжении джунгаров, и калмыки не рисковали пользоваться им [14, с. 56–57; 15, с. 11, 47]. Отдельные сюжеты были освещены нами ранее [21, с. 27–31].

С конца XVII в. контроль России над внешней политикой хана Аюки все более распространялся на отношения калмыков с Крымом. Договорные статьи 1697, 1708 и 1710 гг. [16, с. 329–332; 17, с. 419–422, 547–550], жестко регулируя связи калмыков в отношении Крыма, не затрагивали восточное направление их политики. Поэтому отношения калмыков с Китаем и Джунгарией, связанные с определенным посольским или религиозным ритуалом, оставались важной сферой ханской дипломатии. Но и здесь отмечается заметное влияние России.

В начале века из-за ухода в Джунгарию старшего ханского сына Санджиба калмыcko-джунгарские отношения практически прервались, перейдя в плоскость дипломатической переписки. Аюка, как сообщалось в переписке Сената с Коллегией иностранных дел и цинским внешнеполитическим ведомством Лифаньюанем, неоднократно предъявлял претензии Джунгарии, требуя возврата беглецов [8, с. 63, 94]. В феврале 1720 г. хан писал Петру I: «К контайше часто посланцов посылаю для того, что сын мой, когда от меня откочевал, с собою многих подданных отвез к нему

из калмыков. Тогда, он, контайша, всех при нем бывших улусов и калмыков насильством своим у себя удержал, токмо сына моего самого одного отпустил. И когда я у него тех улусов и калмыков спрашиваю, то он хотя и обещается возратить, но не возвращает и не отдает. Того ради часто к нему посланцов посылаю взять у него подлинную отповедь и слово» [7, с. 222]. Несмотря на требования правителей Калмыцкого ханства, Цеван-Раптан, учитывая общее лояльное отношение России, не вернул захваченные у Санджиба улусы.

В конце XVII – начале XVIII в. отношения между Российской и Цинской империями складывались достаточно мирно. Этому способствовала активная внешняя политика Цинов в отношении Джунгарского ханства. Калмыцкое ханство вынуждено было чутко реагировать на изменения в расстановке сил в центральноазиатском регионе. Данное обстоятельство особенно проявилось в первой четверти XVIII в., когда прекращение связей с Джунгарией привело к активизации калмыцко-китайских контактов. Калмыки не имели общей границы с Китаем, поэтому связи с ним возникли лишь в контексте отношений с Тибетом.

В 1709 г. на Волгу прибыл «от китайские стороны Касыгин посол». Получив разрешение Петра I, Аюке сразу же отправил в Китай посла Самтана Кулюкова [19, с. 112–114, 130]. По данным Н.Я. Бичурина, он прибыл в Пекин в 1712 г. [3, с. 91]. В августе следующего года Чакдорджаб сообщал в Астрахань, что «китайский царь посылщика вельми одарил, и провожатых русских людей також де одарил, и говорит он, царь, что хочет с нами быть в дружелюбии и шлет к нам посла своего с 30 человеки» [10, д. 1, л. 11].

Ответом на три калмыцких посольства стало отправление в июне 1712 г. китайского посольства Тулишена в сопровождении Самтана [19, с. 130]. О ходе переговоров сохранились свидетельства Тулишена и капитана Шничера, а также значительная переписка Сената с Сибирским и Казанским губернаторами М.П. Гагариным и П.М. Апраксиным [6, с. 257–259; 13, с. 3–48, 99–150, 185–224, 291–353, 387–413; 19, с. 437–483]. 5 июня 1712 г. М.П. Гагарин получил из Пекина письмо с просьбой разрешить проезд посольства к Аюке [19, с. 432]. Коллегия иностранных дел еще до появления посольства получила сведения о его цели. Сибирский губернатор М.П. Гагарин в доношении канцлеру Г.И. Головкину (от 6 октября 1712 г.) высказался против приезда послов к Аюке. Но он вынужден был признать, что если не пропустить послов, то Китай в ответ не пропустит российских торговцев. Губернатор сообщал, что причина приезда послов связана с заключением союза против Джунгарии, так как без калмыков Китай не начнет войну. Россия, по его мнению, не может допустить союза и возможного разгрома хунтайджи, так как в этом случае «владенье китайское будет смежно нам со многими сибирскими ближними городами – Красно-го Яру, Енисейска, Иркутска, Томска, Тары и от Тобольска и Тюмени в самой близости ж». Аюке необходимо отказать под предлогом мирных отношений России и Джунгарии. Губернатор советовал впредь не пропускать калмыцких послов в Китай [8, с. 230–231].

26 ноября 1712 г. Сенат разрешил послам Китая проехать на Волгу, а хан калмыков был предупрежден, что если китайские послы будут «подзывать его, Аюку, на калмыцкого владельца, Контайшу, войною, то ему, Аюке, говорить, дабы он на него, Контайшу, войной не ходил для того, что он, Контайша, царскому величеству примирителен». Российское правительство твердо заявило Аюке, что хунтайджи находится в мирных сношениях с Россией, поэтому выступление калмыков против него не отвечает его интересам [5, с. 353]. В ноябре 1712 г. губернатор П.М. Апраксин получил указ Сената, запрещавший Аюке поддерживать Китай в войне с Джунгарией [8, с. 347].

Китайские послы прибыли в Тобольск в августе 1713 г., на Волге посольство оказалось только в июне 1714 г. [4, с. 139–149, 467]. В источниках нет ни одного упоминания о содержании четырнадцатидневных встреч и переговоров, в «Записках

Тулишена» основное внимание было уделено процедурным вопросам. Поэтому в историографии имеются разные взгляды на цели китайского посольства.

Н.Я. Бичурин считал, что главная цель посольства – «вооружить, если возможно, волжских калмыков против Цеван-Раптана». Кроме того, послы должны были «посоветоваться с ханом Аюки об испрошении у российского двора дозволения возвратиться Робчжуру на родину через Сибирь», а также «обозреть положение земель России, а от калмыков получить подробные сведения как о внутреннем ее состоянии, так и о внешних сношениях» [3, с. 91]. Н. Нефедьев, полагая, что дело Арабжура было лишь «одним слабым предлогом к посылке в калмыцкую степь посольства из Пекина», отмечал, что для «пекинского кабинета, озабоченного Зюнгарией, нужны были сведения о состоянии калмыцкого народа и об отношениях оною к единоплеменным зюнгарам» [11, с. 38–39].

В литературе отражено еще одно обстоятельство, связанное с посольством Тулишена. М.Г. Новолетов ошибочно утверждал, что в 1714 г. Аюка выдал свою дочь за китайского богдыхана, и что сватовство к ханской дочери составляло цель посольства [12, с. 10]. Н.Н. Пальмов, опираясь на свидетельство торгового комиссара П. Худякова, был уверен в том, что посольство едет к калмыкам с предложением военного союза против Джунгарии. По мнению исследователя, Аюка знал, что за помощь Китаю в войне с Джунгарией пекинская дипломатия сулит калмыкам свободный доступ в Тибет прямым южным путем [14, с. 19, 37, 42]. К. Баркман, ссылаясь на китайское издание записок Тулишена, предполагает, что посланник Цинов пытался убедить хана вернуться в Азию [1, с. 91–92].

Н.Н. Бантыш-Каменский, составлявший по указу Екатерины II «Дневную записку» Коллегии иностранных дел по истории отношений с Китаем в 1720–1796 гг., не внес ясности, отмечая, что официальный наказ содержал одно наставление, послы же должны были руководствоваться другим, секретным указанием, в каком направлении они должны вести переговоры с калмыцким ханом [20, с. 26].

Аюка через представителя казанского губернатора Б. Керейтова сообщал, что послы вели переговоры о возвращении Арабжура [19, с. 154]. Но в феврале 1716 г. М.П. Гагарин получил официальное сообщение Пекина о начинающейся войне с Джунгарией, причем сибирский губернатор уведомлялся о том, что калмыки тоже входят в антиджунгарский блок [19, с. 169]. Значит, в 1714 г. в ходе переговоров были заключены какие-то договоренности.

Цинские власти надеялись, что Аюка, стремясь вернуть из Джунгарии улусы Санджиба, начнет поход на Цеван-Раптана. Об этом прямо говорил в январе 1721 г. Тушету-хан в ходе переговоров с российским посланником Л.В. Измайловым. Но позиция России по этому вопросу была предельно жесткой и не оставляла Цинам надежд на калмыков [19, с. 254].

По сведению находившегося в то время в Пекине русского купца П. Худякова, послы должны были «подговорить Аюку воевать с китайцы калмыцкого владельца контайшу... а без Аюки китайский [хан] один завоевать его не может». В «Записке С.И. Писарева о путешествии в Цинскую империю в 1725–1728 гг.» прямо указывалось, что отправление посольства 1712 г. произошло «по притчине, имевшейся у них с калмыцким владельцем контайшею долговременной войны» [8, с. 17–18; 9, с. 522].

В 1731 г. чиновник И. Глазунов, сопровождавший от сибирской границы до Москвы второе пекинское посольство к калмыкам, писал в Коллегию иностранных дел, что посольство 1714 г. склоняло хана Аюку «чтоб он от Астрахани откочевал на прежние свои степи, где кочует кон-тайша, при чем манджуро-китайцы обнадживали его против кон-тайши не помогать оружием и богдыханским жалованием». Наконец, сам Тулишен признавал, что надеялся на предложение Аюки о совместном выступлении против джунгаров [15, с. 19].

Но сам Тулишен отмечал, что перед посольством не стояла задача привлечения калмыков к борьбе с джунгарами [19, с. 439–440]. На наш взгляд, Тулишен вынуж-

ден был признать, что планы привлечения калмыков к войне против джунгаров не осуществимы, так как между ними находились земли каракалпаков и казахов [19, с. 466]. К тому же позиция Л.В. Измайлова, с которым он неоднократно встречался, показала, что Россия не допустит активизации калмыков. Именно поэтому в «Записках Тулишена» не говорится об обсуждении джунгарского вопроса.

Итак, официальным поводом посольства Тулишена стали переговоры о возвращении Арабжура. Истинная цель – дипломатическая разведка вопроса о возможности привлечения калмыков к войне против Цеван-Раптана. Попытка Цинов склонить Аюку к выступлению против Джунгарского ханства не увенчалась успехом. Здесь прежде всего сказались интересы внешней политики России, поддерживавшей Джунгарию как противовес Китаю. Но неудачу цинского посольства обусловили не только «советы» российских властей, но и личные соображения правителя Калмыцкого ханства, не расположенного воевать против Цеван-Раптана. Именно поэтому все попытки цинской дипломатии склонить царское правительство к союзу против джунгаров, уговорить двинуть против ойратов калмыцкие войска потерпели неудачу.

Переговоры калмыков с китайским посольством ускорили создание системы контроля над восточной политикой Аюки. Уже в октябре 1713 г., когда китайское посольство ехало на Волгу, калмыцкое посольство в Тибет было остановлено в Тобольске и осенью 1714 г. возвращено в ханство. Петр I в грамоте хану сослался на то, что пропустить послов «до времени невозможно». На следующий год хан вновь получил отказ [19, с. 149, 153, 157, 165]. В 1717 г., когда Дарма-Бала просила пропустить ее людей, Сенат отказал ей, сославшись на отсутствие царя в столице [18, с. 487]. Отказы повторились и в последующие годы [19, с. 284, 289, 292].

Исключение было сделано только в 1719 г., когда Коллегия иностранных дел разрешила пропустить через Тобольск большую группу представителей Далай-ламы [19, с. 182]. Среди них находился новый глава буддийской церкви Шакур-лама. И.Я. Златкин писал, что он привез повеление Далай-ламы «чтоб они все, калмыки, ис под российской протекции к своему однозаконному хану откочевали, и хан де Аюка и жена его Дармабала и Шакур-лама и емчи-гелен предложили, чтоб им откочевать к хонтайше, обослався с ним и объявя ему повеление Далай-ламино, и надеялись де, что он, хонтайши, Далай-ламино повеление не оставит и их (так, как ханова сына Санжипа) не разорит» [7, с. 221].

Как известно, в 1716 г. в Тибете развернулись крупномасштабные военные действия между джунгарами, поддержавшими Далай-ламу VI, и Цинами, выступившими на стороне внука куку-норского Гуши-хана Лхабсан-хана. В 1721 г. китайцы одержали верх, захватив Лхасу, поставили во главе Тибета нового Далай-ламу VII Галсан-Чжамцо [2, с. 157–162].

Вероятно, в эти годы Аюка поддерживал отношения с другим ойратским государством – Хошоутским ханством, за правителя которого он в 1714 г. выдал дочь [15, с. 11]. Известно, что в 1720 г. на Волгу прибыл посланец Тибета Шакур-лама. Его назначение во главе буддийской церкви калмыков диктовалось тем обстоятельством, что сам он являлся калмыком, происходил из Табун-Отокова улуса. Прибыв на родину, лама объявил «повеление» Далай-ламы откочевать из России к любому монгольскому хану [4, с. 60, 84]. Но изменение ситуации в Центральной Азии охладило пыл калмыцкого нойонства и Шакур-ламы и на время отложило осуществление планов откочевки. Только этим обстоятельством можно объяснить неожиданный переход Шакур-ламы в 1724 г. в число сторонников пророссийской ориентации.

Таким образом, хотя российский внешнеполитический контроль еще не полностью затрагивал восточное направление, здесь отмечается определенное влияние России. Это в первую очередь сказалось на неудачных попытках цинской и джунгарской дипломатии склонить калмыков к военному союзу друг против друга.

Список литературы

1. Barkman C. D. The return of the torquats from Russia to China // *Journal of Oriental Studies*. – Hong-Kong, 1955. – Vol. 2, № 1.
2. Беспрозванных Е. Л. Лидеры Тибета и их роль в тибето-китайских отношениях XVII–XVIII вв. / Е. Л. Беспрозванных. – Волгоград, 2001.
3. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени / Н. Я. Бичурин (Иакинф). – 2-е изд. – Элиста, 1991.
4. Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии XVII–XVIII вв. / Б. П. Гуревич. – М., 1979.
5. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительственном Сенате в царствовании Петра Великого. – СПб, 1883. – Т. 2, кн. 2.
6. Записка капитана Иоанна Христиана Шничера, которой был у китайских посланников, бывших в 1714 г. у Аюки хана, в провожатых // Прибавление к Астраханским губернским ведомостям. – 1843. – № 39. – С. 257–259.
7. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства / И. Я. Златкин. – 2-е изд. – М., 1983.
8. Международные отношения в Центральной Азии XVII–XVIII вв. Документы и материалы. – М., 1989. – Кн. 1.
9. Международные отношения в Центральной Азии XVII–XVIII вв. Документы и материалы. – М., 1989. – Кн. 2.
10. Национальный архив республики Калмыкия. – Ф. 36.
11. Нефедьев Н. Подробные сведения о волжских калмыках. – СПб, 1834.
12. Новолетов М. Г. Калмыки. Исторический очерк. – СПб, 1884.
13. Описание путешествия, которым ездили китайские посланники в Россию бывшие в 1714 г. у калмыцкого хана Аюки на Волге // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. – 1764. – Июль – ноябрь.
14. Пальмов Н. Н. Очерк истории калмыцкого народа за время пребывания его в пределах России / Н. Н. Пальмов. – Астрахань, 1922.
15. Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков / Н. Н. Пальмов. – Астрахань, 1926. – Ч. 1.
16. Полное собрание законов Российской империи. – СПб, 1830. – Т. 3.
17. Полное собрание законов Российской империи. – СПб, 1830. – Т. 4.
18. Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. 5.
19. Русско-китайские отношения в XVIII веке. – М., 1978. – Т. 1. 1700–1725.
20. Русско-китайские отношения в XVIII веке. – М., 1990. – Т. 2. 1725–1727.
21. Цюрюмов А. В. Калмыcko-китайские отношения в конце XVII – первой четверти XVIII вв. / А. В. Цюрюмов // Известия ВУЗов. Северокавказский регион. Общественные науки. Приложение. – 2006. – № 5. – С. 27–31.

References

1. Barkman C. D. The return of the torquats from Russia to China. *Journal of Oriental Studies*, Hong-Kong, 1955, vol. 2, no. 1.
2. Besprozvannykh E. L. *Lidery Tibeta i ikh rol v tibeto-kitayskikh otnosheniyakh XVII–XVIII vv.* [The Leaders of Tibet and their role in Tibetan-Chinese relations in the XVII–XVIII centuries]. Volgograd, 2001.
3. Bichurin N. I. (Iakinf). *Istoricheskoe obozrenie oyratov ili kalmykov s XV stoletiya do nastoyashchego vremeni* [Historical review of the Oirats or Kalmyks from the XV century to the present]. Elista, 1991, 2nd ed.
4. Gurevich B. P. *Mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentralnoy Azii XVII–XVIII vv.* [International relations in Central Asia in the XVII–XVIII centuries]. Moscow, 1979.
5. *Doklady i prigovory, sostoyavshiesya v Pravitelstvennom Senate v tsarstvovanii Petra Velikogo* [Reports and sentences, held in the Government Senate in the reign of Peter the Great]. St. Petersburg, 1883, vol. 2, book 2.
6. *Zapiska kapitana Ioanna Khristiana Shnichera, kotoroy byl u kitayskikh poslannikov, byvshikh v 1714 g. u Ayuki khana, v provozhatykh* [Note captain John Christian Shnichera, which were the Chinese envoys, the former in 1714 at was gone along Ambassador Khan in an escort]. *Pribavlenie k Astrakhanskim gubernskim vedomostyam* [Adding to Astrakhan lips Statements], 1843, no. 39, pp. 257–259.
7. Zlatkin I. Y. *Istoriya Dzhungarskogo khanstva* [History of the Dzungar khanate]. Moscow, 1983, 2nd ed.

8. *Mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentralnoy Azii XVII–XVIII vv. Dokumenty i materialy* [International relations in Central Asia in the XVII–XVIII century Documents and materials]. Moscow, 1989, book 1.
9. *Mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentralnoy Azii XVII–XVIII vv. Dokumenty i materialy* [International relations in Central Asia in the XVII–XVIII century Documents and materials]. Moscow, 1989, book 2.
10. *The National Archive of the Republic of Kalmykia*. The found 36.
11. Nefedev N. *Podrobnye svedeniya o volzhskikh kalmykakh* [Detailed information about Volga Kalmyks]. St. Petersburg, 1834.
12. Novoletov M. G. *Kalmyki. Istoricheskiy ocherk* [Kalmyks. Historical sketch]. St. Petersburg, 1884.
13. *Opisanie puteshestviya, kotorym ezdili kitayskie poslanniki v Rossiyu byvshie v 1714 g. u kalmytskogo khana Ayuki na Volge* [Description of the journey, which went by the Chinese envoys to Russia in 1714, the former Kalmyk Khan was gone along Ambassador on the Volga]. *Yezhemesyachnye sochineniya i izvestiya o uchenykh delakh* [The Monthly essays and news of academic Affairs], July – Nov., 1764.
14. Palmov N. N. *Ocherk istorii kalmytskogo naroda za vremya prebyvaniya ego v predelakh Rossii* [Essay on the history of the Kalmyk people during his stay in Russia]. Astrakhan, 1922.
15. Palmov N. N. *Etyudy po istorii privolzhskikh kalmykov* [Studies on the history of the Volga Kalmyks]. Astrakhan, 1926, part 1.
16. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1830, vol. 3.
17. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1830, vol. 4.
18. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1830, vol. 5.
19. *Russko-kitayskie otnosheniya v XVIII veke* [Russian-Chinese relations in the XVIII century]. Moscow, 1978, vol. 1 “1700–1725”.
20. *Russko-kitayskie otnosheniya v XVIII veke* [Russian-Chinese relations in the XVIII century]. Moscow, 1978, vol. 2 “1725–1727”.
21. Tsyuryumov A. V. *Kalmytsko-kitayskie otnosheniya v kontse XVII – pervoy chetverti XVIII vv.* [Kalmyk-Chinese relations in the XVII – first quarter of XVIII century]. *Izvestiya VUZov. Severokavkazskiy region. Obshchestvennye nauki. Prilozhenie* [Izvestiya vuzov. The North Caucasus region. Social Sciences. App.], 2006, no. 5, pp. 27–31.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СВЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ДАГЕСТАНЕ

Разаков Руслан Чупан-Магомедович, кандидат исторических наук, доцент
Филиал Дагестанского государственного университета в г. Хасавюрте
Российская Федерация, Республика Дагестан, 398009, г. Хасавюрт,
ул. А. Абукова, 36
E-mail; ruslan1968_68@mail.ru

В статье освещаются вопросы, связанные с формированием светского образования в Дагестане. В XVII в. в Дагестане была создана своеобразная письменность – аджам, на языках народов Дагестана на основе арабской графики, благодаря чему учение было доступно любому желающему, так как практически в каждом ауле имелись примечетские школы, где обучали детей грамоте. После присоединения Дагестана к России, здесь начали создаваться светские школы для обучения местного населения, прежде всего русской грамоте, которые в силу ряда обстоятельств имели слабое развитие. Однако с момента установления советской власти в Дагестане светское образование по известным причинам в ходе культурной революции вытеснило собой духовное образование, а вместе с ней лишило духовенство влияния на народные массы.

Ключевые слова: Дагестан, уровень образования, духовное образование, примечетские школы, советская власть, культурная революция, светское образование, школа, учитель